

МАРГАРИТА КИРОВА

Изменил ведьме?
Поздравляю,
ТЫ ОГУРЕЦ!
А мне достанется
красавчик

Маргарита Кирова

Изменил ведьме?

**Поздравляю, ты огурец! А
мне достанется красавчик**

«Автор»

2026

Кирова М.

Изменил ведьме? Поздравляю, ты огурец! А мне достанется
красавчик / М. Кирова — «Автор», 2026

Если я хоть слово вру, пусть огурцом стану! Мой бывший сказал это — и превратился в огурец. С ручками, ножками и прежним мерзким характером! Теперь я ведьма, у меня 28 дней на снятие проклятия, а за бабушкиной теплицей охотятся подозрительные личности. Но главная опасность — Лев Берестов. Суровый ревизор с ледяным взглядом, сильными руками и совершенно неприличной привычкой появляться именно тогда, когда мне нужна помощь. Он пришёл расследовать моё первое колдовство. А я, кажется, готова совершить второе — лишь бы узнать, каково это, оказаться в его объятиях. Вот только Лев слишком правильный, чтобы целовать подследственную. И слишком опасно притягательный, чтобы я могла держаться подальше. Каждая наша встреча заканчивается новым расследованием, а мне всё сильнее хочется совсем другого. Бывшего надо расколдовать. Теплицу — спасти. А ревизора кажется, я хочу оставить себе!

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чтобы я огурцом стал	5
Глава 2. Овощу нужен паспорт	12
Глава 3. Не мариновать!	16
Глава 4. Ревизор с отвёрткой	20
Глава 5. Самая честная ложь	23
Глава 6. Лавочка, на которой держится мир	26
Глава 7. Акт приёма-передачи бывшего	29
Глава 8. Оставьте свои гарантии себе	32
Глава 9. Человек, который приносит лестницу	35
Глава 10. Его женщина в жёлтом плаще	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Маргарита Кирова

Изменил ведьме? Поздравляю, ты огурец! А мне достанется красавчик

Глава 1. Чтобы я огурцом стал

В тот день я собиралась окончательно поставить точку в истории с Кириллом. Формально мы расстались три недели назад; оставалось забрать документы и убедиться, что больше нам нечего делить. План был простой: вернуть ему дрель, забрать ключи от теплицы, выяснить, куда пропали два договора, и больше никогда не слышать фразу «Варюнь, ну ты же умная девочка».

Мне было двадцать девять. У меня имелись мастерская, кредит и достаточно опыта совместной жизни, чтобы не путать возвращение ключей с романтическим жестом.

С дрелью возникли трудности. Репа, бабушкина кошка, устроила в коробке с инструментами гнездо. На просьбу освободить имущество она ответила таким взглядом, каким обычно отвечают женщины, оплатившие ипотеку в одиночку.

— У тебя есть диван, — сообщила я ей.

Репа положила лапу на дрель.

— Ладно. Один-ноль.

В мастерской пахло пылью, льняным маслом и вчерашним чаем. Я сидела перед старой эмалированной вывеской «Ремонт счастья» и тонкой кистью восстанавливала букву «с», которую прежние владельцы почему-то считали необязательной. За работу обещали прилично заплатить. Правда, после банковского напоминания о кредите даже приличная сумма перестала казаться приличной. В письме меня просили «не терять позитивный настрой». Кредит умел быть позитивным за мой счёт.

В дверь постучали три раза. Только Нина стучала так, словно намеревалась войти с обыском, но сначала давала хозяевам возможность спрятать компромат.

— Ты одета? — спросила она, уже открывая дверь.

— Нет. Сiju в рабочем комбинезоне исключительно для того, чтобы портить тебе ожидания.

— Значит, пирог оставлю себе.

Она принесла квадратную коробку, два стакана кофе и выражение лица, с которым обычно приходят сообщать либо о смерти родственника, либо о резком повышении арендной платы. Я взяла кофе.

— Что на этот раз?

— Сначала поешь.

— То есть всё-таки арендная плата.

Нина поставила коробку на стол, отодвинула мои кисти и вытащила из кармана распечатку. На ней стояла печать Дома согласия, самого известного в Вереске учреждения по продаже обещаний. Официально там обеспечивали стабильность отношений и безопасность договоров. Неофициально там продавали чувство, будто мир не способен подложить тебе свинью, если подписать достаточно страниц.

— Участок бабушкиной теплицы указан как обеспечение по предварительному соглашению, — прочитала Нина. — Я хотела заказать там урожай мяты для пекарни и случайно увидела отметку в городском реестре.

— Не смешно.

— У меня лицо человека, который шутит?

— Когда ты объявила тыквенный чизкейк без тыквы, лицо было почти таким же.

Она повернула распечатку ко мне. Номер участка совпадал. Дата стояла за две недели до нашего с Кириллом расставания. А ведь именно тогда он уверял, что ищет способы избавиться меня от долга за землю. Очень трогательно. Особенно если способ заключался в том, чтобы землю продать.

— Ты разрешала ему подписывать что-нибудь? — спросила Нина.

— Сделки — нет. После бабушкиной смерти у Кирилла была ограниченная доверенность: получать выписки, подавать технические заявления в реестр и оплачивать пошлины, пока я оформляла наследство. Продавать, сдавать или закладывать участок она не позволяла.

— Оригинал доверенности у него оставался?

— Один экземпляр. Я была уверена, что он давно лежит в нашей общей папке.

Нина постучала ногтем по распечатке.

— Тогда у них есть бумага, за которую они могли зацепиться. Вопрос в том, что именно Кирилл по ней оформил и имел ли право это делать.

Когда Кирилл жил со мной, я наивно считала, что совместная жизнь начинается с доверия. Он считал, что с совместного доступа к шкафчикам, банковским выпискам и нотариальной папке покойной бабушки. Три недели назад я обнаружила его переписку с женщиной, которая в собственном телефоне называла его «мой надёжный мужчина», а он её — «сладкая победа квартала». Ему удалось превратить измену в презентацию: мол, это всего лишь рабочее общение, а сердечки — элемент маркетинговой стратегии. Я предложила ему реализовать стратегию на улице. С тех пор он забирал вещи маленькими партиями и при каждой пытался объяснить, что я всё неверно поняла.

— У него мои бумаги, — сказала я. — Завтра принесу тебе договор на мятую. Сегодня буду добывать из него сведения.

— Добывай с адвокатом.

— У меня денег только на половину адвоката.

— Тогда бери половину, которая слушает.

Нина оставила мне пирог, пообещала позвонить вечером и ушла в свою пекарню. Я дочистила вывеску, закрыла мастерскую и пересекла двор до бабушкиной теплицы. У входа висела керамическая табличка «Последнее слово». Бабушка изготовила её сама. Когда я была маленькой, она говорила, что здесь произнесённое особенно хорошо слышно. Я думала, речь о соседке Тамаре Львовне, которая могла услышать шёпот через три стены и один работающий перфоратор.

Внутри теплицы было тепло, влажно и тесно. Плющ над дверью оплетал старую раму и тянулся к каждому входящему, как воспитанный в очень настойчивой семье ребёнок. На подоконниках зеленели свидетельские растения: неприхотливые кустики, которые могли подтвердить добровольно сказанные слова. В городе ими пользовались при заключении договоров. Я же до сегодняшнего дня считала их бабушкиной причудой.

Кирилл явился почти вовремя. На нём был песочный пиджак, белые кроссовки и выражение честного человека, вызванного в несправедливый суд. В руках он держал два пустых пакета.

— Варюнь, я ненадолго. Заберу свои коробки, и больше не буду тебя тревожить.

— Ты обещал это в прошлый четверг.

— Да ладно, я тогда за зарядкой возвращался.

— И позавчера за носками. По-моему, у тебя в мире самые самостоятельные носки.

Он скосил глаза на распечатку в моей руке.

— Опять счета? Я говорил, давай спокойно всё обсудим. Ты сразу закрываешься.

— Кирилл, у тебя там коробка с книгами и две рубашки. Забери. Потом объясни, почему на моём участке залог.

— Какой залог?

Я протянула ему лист. Он прочитал первую строку, вторую. На третьей натянул улыбку.

— Понимаю. Это черновая отметка, техническая. Я интересовался условиями, чтобы тебе помочь. Но ничего не подписывал.

— Тогда где оригиналы документов?

— Не помню. Ты у нас специалист по старым бумажкам.

У меня зачесались пальцы: захотелось запустить распечаткой ему в лицо. Вместо этого я аккуратно положила лист на стол. Бабушка всегда говорила, что злость лучше переносит керамика — по ней хотя бы видно трещину.

— Назови банк, Кирилл. И того, кто поставил печать.

— Ты что, меня допрашиваешь? Я столько для тебя сделал. Рекламу мастерской придумал, клиентов привёл...

— Одну клиентку. Ту, с которой ты потом поехал в гостиницу.

Он развёл руки и едва не сшиб горшок с базиликом.

— Опять ты за старое! Я пришёл за вещами. Мы же взрослые люди.

— Вот именно. Взрослые люди отвечают за подписи. Ты передал право на мою землю?

— Да нет же!

Плющ над дверью зашуршал. Я заметила тонкую зелёную нить, протянувшуюся от его губ к корням растения. Сначала решила, что мне мерещится из-за недосыпа. Нить натянулась так резко, что я вздрогнула.

— Если я хоть слово вру про теплицу, — торжественно объявил Кирилл, заметив, что я молчу, — пусть огурцом стану. Устраивает?

— Выбрал бы овощ поинтереснее.

— Варя, прекрати вести себя как ребёнок.

Он самодовольно рассмеялся. Зелёная нить пульсировала, словно живая. Я потянулась к ней. Под пальцами она оказалась упругой, влажной и совершенно настоящей.

— Что это за...

Нить соскочила с моего пальца.

Пиджак с хрустом сложился на пол. Рубашка обмякла. Кроссовки опустели. Я успела подумать, что Кирилл освоил какой-то особенно оскорбительный способ уйти от разговора, и тут из вороха одежды раздалось:

— Варя. Только спокойно.

Я посмотрела вниз.

Передо мной стоял огурец. Ростом чуть выше табуретки, с маленькими руками и ногами, светлыми полосками на боках и лицом, которое каким-то чудом оставалось лицом Кирилла. Особенно узнаваемы были обиженно поджатые губы.

— Найди зеркало, — потребовал он.

— Сейчас, — ответила я, хотя не могла пошевелиться.

— И адвоката.

Из-за стеллажа вышла Репа. Она понюхала пустой ботинок Кирилла, потерлась о него и, обнаружив новую зелёную игрушку, пригнулась к полу.

— Репа, нельзя!

Кошка прыгнула. Огурец завопил и спрятался за моей ногой. Я схватила Репу под мышку, а она всем телом выражала уверенность, что ей мешают ловить добычу.

— Почему он на меня смотрит? — прохрипел Кирилл.

— Она. И у неё есть основания. Ты не кормил её, когда обещал.

— Я требую немедленно сделать меня обратно!

— Я даже не знаю, как ты туда попал.

На моём запястье проступила тонкая чёрная жилка. Боль кольнула руку от локтя до пальцев. В ту же секунду над дверью, там, где раньше висел старый термометр, загорелась зелёная надпись: «СРОК ИСПРАВЛЕНИЯ — 28 ДНЕЙ».

Кирилл прочитал её вслух и сел прямо на подол собственного пиджака.

— Ну хорошо, — сказал он после долгой паузы. — А двадцать девять нельзя?

Первые десять минут я вела себя достаточно разумно для человека, который только что превратил бывшего в огурец. Закрыла теплицу, убрала Репу подальше от Кирилла, проверила, нет ли у него повреждений, и попыталась не смотреть на оставшиеся на полу кроссовки. Потом позвонила в городскую справочную службу и спросила, что делать при внезапной трансформации взрослого человека в овощ.

— Назовите вид овоща, — попросила оператор.

— Огурец.

— Свежий или маринованный?

— Вы издеваетесь?

— Нет, гражданка. У нас разные отделы. Свежие трансформации обслуживает Палата обещаний, законсервированные — отдел необратимых превращений при муниципальном архиве.

Я посмотрела на Кирилла. Он забрался на табуретку, прижимая к груди рукав от своего пиджака. На коричневом пятне от кофе, которое я когда-то просила вывести, он сидел как король на смятом троне.

— Свежий, — сказала я. — И очень разговорчивый.

— Тогда вам в Палату. Приём с девяти. Продукт не подвергать термической обработке.

— Он не продукт!

Оператор вздохнула.

— Простите, у нас стандартный скрипт. Пострадавшего не подвергать термической обработке. Так лучше?

— Лучше. А что мне делать до девяти?

— Обеспечить доступ к питьевой воде, уточнить срок узла и, если есть возможность, записать дословно исходное обещание. Ничего не подливать в землю, особенно уксус.

Кирилл застонал, услышав последнее слово. Я поблагодарила операторшу и положила трубку. Ненадолго в теплице стало тихо. За стеклом проезжал мусоровоз, кто-то стучал в соседнем дворе, Репа возмущалась из-за того, что её закрыли в мастерской. Мир не заметил появления в нём нового огурца.

— Я хочу адвоката, — сказал Кирилл.

— Утром начнём с Палаты и адвоката. А до тех пор из официальных рекомендаций у нас только вода, запись обещания и никакого уксуса.

— Я серьёзно, Варя. Ты применила ко мне незаконную магию.

— Я впервые в жизни увидела магию, которую применила, Кирилл. Если выяснится, что могу возвращать человеческий облик по желанию, тебе сообщу первым.

— А если не можешь?

Он спросил это без обычной насмешки. Маленькие руки сжали рукав. Впервые за день я увидела перед собой человека, которому действительно страшно.

— Тогда будем искать того, кто может, — ответила я. — Я не собираюсь оставлять тебя в таком виде.

— Даже после всего?

— Даже после всего. Но это не значит, что тебе разрешено снова решать за меня.

Он открыл рот, будто собирался возразить, но вместо этого посмотрел на надпись над дверью. Срок исправления мерцал бледно-зелёным. Кирилл соскочил с табуретки и подошёл ближе. Теперь разница в росте делала наши ссоры нелепыми: я привыкла, что он смотрел на

меня сверху вниз, слегка наклоняя голову, будто объяснял ребёнку сложную вещь. Сейчас он вынужден был задирать подбородок.

— Двадцать восемь дней, — повторил он. — Почему именно столько?

— Если бы я знала, мы бы не говорили по телефону с отделом овощеводства.

— Справочная не предлагала позвонить врачу?

Я открыла телефон и поискала ближайшую медицинскую клинику. «Лечение магических последствий», «Реабилитация после неудачной клятвы», «Поддержка лиц в альтернативной биологической форме» — город предлагал множество услуг, у большинства были подозрительно высокие рейтинги и обещание стопроцентного результата. После пяти минут поиска я всё же позвонила в одну клинику. Администратор попросила внести аванс ещё до осмотра и заверить согласие на «любые необходимые формы коррекции». Я поблагодарила и отказалась.

— Почему? — возмутился Кирилл. — Они же могут помочь!

— Ты слышал условия? Любые формы коррекции. Если завтра они решат превратить тебя в тыкву, кто будет спорить?

— Я!

— Очень убедительный аргумент. Только сейчас ты не можешь дотянуться до дверной ручки.

Он отвернулся. Мне стало стыдно за последнюю фразу; страх не обязан делать человека добрым, но я не хотела превращать собственную власть в удовольствие. Я села на пол рядом с ним, чтобы разговаривать на одном уровне.

— Послушай. Я тоже боюсь. У меня болит рука. В теплице над дверью идёт обратный отсчёт, а я даже не знаю, как работает эта штука. Мы обратимся в Палату утром. Сейчас можно хотя бы не подписывать новые договоры, не читая их до конца.

Кирилл долго теребил подол рукава.

— Ты когда-нибудь думала, что мы вот так закончим? — спросил он.

— Нет. Я думала, ты уедешь на такси вместе со своими книгами. Максимум начнёшь присылать мне открытки со словами «мы должны поговорить».

— Я не хотел, чтобы всё так получилось.

— Я тоже. Но ты произнёс условие сам.

Он выдохнул и осторожно потрогал своё новое лицо.

— Мне кажется, у меня носа нет.

— Я вижу, — ответила я.

— И ты даже не удивляешься?

— Кирилл, у тебя теперь кожа. Я исчерпала запас удивления на ближайшую неделю.

Когда приехала Нина, я вынесла ей навстречу ключи от теплицы. Она увидела лежащий на крыльце пиджак и нахмурилась.

— Опять скандалили?

— Немного. Только теперь у нас возникла проблема необычного размера.

— Ты беременна?

— Нет!

Изнутри донеслось:

— Я требую уважения к своей личности!

Нина застыла.

— Варя. У тебя кто-то говорит из ящика с удобрением.

— Это Кирилл. Только лучше сначала войди.

Она вошла, посмотрела на бывшего и медленно присела на свободный стул. Нина много раз говорила, что всегда готова к странностям, но на самом деле имела в виду просроченную муку, капризных клиентов и Тамару Львовну с её еженедельными инициативами. Живой огурец оказался за пределами её профессиональной компетенции.

— Я сейчас скажу что-нибудь ужасное, — предупредила она.

— Сначала постарайся подумать, — попросила я.

— Он наконец стал тем, чем был весь последний год.

Кирилл возмутился столь громко, что Репа отозвалась из мастерской. Я закрыла лицо руками. Нина начала смеяться и никак не могла остановиться, хотя я видела, как она пытается. Её смех оказался заразительным. Через минуту я тоже смеялась, сидя на полу теплицы рядом с кучей одежды и страшным сроком, светящимся над головой.

— Простите, — сказала Нина, вытирая глаза. — Господи, простите. Я понимаю, это беда. Но если бы кто-то рассказал мне...

— Это беда? — обиженно переспросил Кирилл. — Для меня это трагедия! А для вас повод упражняться в остроумии.

— Ты прав, — сказала она и вдруг посерьёзнела. — Прости. С чего начнём?

Мы показали ей зелёную нить, срок и чёрную полоску на моей руке. Нина осмотрела растения, но не прикоснулась к ним без разрешения. Она помогла записать условие дословно на отдельный лист и сфотографировала надпись так, чтобы в кадре были часы. Потом предложила собрать Кириллу одежду и принести чистый контейнер. Когда он услышал про контейнер, снова всполошился.

— Никаких контейнеров!

— Тогда где ты собираешься ночевать? — спросила я. — На табуретке? Там Репа охотится.

Нина задумалась.

— У меня осталась большая корзина от подарочного набора. Она деревянная, дышащая. Положим туда полотенца. Сверху можно приделать сетку, чтобы кошка не добралась.

— Я не хомяк, — сказал Кирилл.

— Я поняла. Хомяк был бы благодарнее.

Мы нашли подходящую переноску среди вещей на антресоли и договорились оборудовать её без запирающей дверцы. Кирилл внимательно проверил, не помещается ли там вода, затем категорически отказался от предложенной подушечки с вышитой морковкой. На ней когда-то спала Репа, и я подозревала, что именно поэтому он не хотел её брать.

Нина ушла за хлебом и термосом, а я наконец подняла Кирилловы ботинки с пола теплицы. Они были тёплыми изнутри, хотя человека в них больше не было. От этой мелочи мне стало неожиданно не по себе. До превращения я мечтала, чтобы он исчез из моей жизни. Не буквально. Не так. Я поставила обувь на полку, сложила пиджак и решила не выбрасывать ничего, пока мы не разберёмся.

Кирилл подошёл к двери, где бледнела надпись. Я подняла его на подоконник, чтобы он мог прочесть буквы без риска попасть под ноги Репе. Он молча смотрел на срок. Потом спросил, как прошёл мой день до встречи с ним.

— Ты впервые интересуешься?

— Наверное.

Я рассказала про старую вывеску и Нинину распечатку, про долг за землю, который не исчезнет даже после решения проблемы с формой тела. Ожидала, что он снова начнёт говорить о черновиках, консультациях и пользе рекламы. Но он слушал до конца и лишь потом спросил, сколько я ещё должна банку.

— Достаточно, чтобы не иметь права на недорогую депрессию, — сказала я.

— Я попробую найти договор.

— Ты и так знаешь, где он был.

Кирилл посмотрел на свои маленькие руки.

— Да. Наверное, знаю.

Я не стала требовать продолжения немедленно. Ночь приближалась, в теплице остывал воздух, а возле двери по-прежнему светились двадцать восемь дней. Зелёная нить не исчезла. Мы выключили свет и перенесли всё необходимое в дом. Там Репа опять попыталась проверить новую переноску, и впервые за вечер Кирилл сказал ей спокойным голосом:

— Не надо. Мне сейчас страшно.

Кошка остановилась, понюхала сетку и улеглась рядом. Я смотрела на них и думала, что завтра придётся учиться не только магии. Придётся учиться говорить о страхе так, чтобы он не превращался в очередное чужое обязательство.

Глава 2. Овощу нужен паспорт

Вечером после превращения я не легла спать сразу. За стеной в гостиной Кирилл требовал отдельную комнату, а Репа проводила разведку на расстоянии двух шагов, которое считала безопасным до тех пор, пока объект не начинал двигаться. Я забаррикадировала дверцу кошащей переноски коробкой с книгами и поставила рядом миску с водой.

— Это бесчеловечно, — сказал Кирилл.

— У меня нет второго спальника, подходящего мужчине с кожей.

— Я говорил про кошку. Она на меня смотрит.

— У неё есть глаза. Бабушка брала её именно с ними.

Я проверила замок ещё раз. Неприятнее всего было то, что Кирилл звучал как человек, оказавшийся в беде. Не как бывший, который три недели назад с серьёзным лицом объяснял мою ревность недостатком самооценки. Обычный испуганный человек. От этой мысли злость никуда не исчезла, но стала тяжелее.

— Варя, — позвал он, когда я почти ушла. — Ты правда не знала, что такое можешь?

— Если бы знала, начала бы с коммунальных платежей. Представь квитанцию, которая сама превращается в уплаченный счёт.

Он не оценил. Я вернулась на кухню и достала бабушкин толстый блокнот. Между рецептами удобрений и списками покупок были вклеены листы с заголовками «Свидетели», «Отказы», «Ответственность». Бабушка писала так, будто разговаривала с кем-то через открытое окно: коротко, с поправками на полях и язвительными замечаниями о людях, которые мечтали переложить тяжесть своих слов на чужие плечи.

В одной записи я разобрала: «Нить видна не тому, кто прав. Тому, кто способен за неё взяться». Ни слова о том, что потом делать, если взялся. Конечно. Очень семейная традиция: передать внучке шкатулку с катастрофой, инструкцию от неё спрятать между рецептами маринованных кабачков.

Я набрала номер службы обещаний. Робот бодрым голосом сообщил, что консультации по последствиям слов доступны с девяти утра. Для экстренных случаев следовало нажать девятку. Я нажала. Робот попросил подтвердить, что жизни человека что-то угрожает. На кухне Кирилл возмутился, что вода «пахнет водопроводом». Я отказалась уточнять, насколько это угроза жизни.

Под утро раздался негромкий скрежет. Я пришла в гостиную и обнаружила, что Кирилл пытается крохотными ладонями подтащить коробку к дивану.

— Ты что делаешь?

— Возвращаю себе человеческое достоинство.

— Через книгу по электромонтажу?

— Здесь ступенька. Я собирался залезть на диван.

Я подняла его вместе с пледом. Он отстранился, смущённо натянув ткань на маленькие плечи. Умение Кирилла говорить убедительно всегда скрывало от меня странную вещь: ему ужасно не нравилось просить. Раньше вместо просьбы он устраивал презентацию. Теперь презентация не помогала взобраться на диван.

— Можно было позвать, — сказала я.

— Ты и так меня ненавидишь.

— Ненависть пока не мешает мне слышать.

Я поставила его на мягкую подушку. Он устроился на ней, не произнеся благодарности. Уже уходя, я услышала очень тихое «Варь». Обернулась. Он сделал вид, что собирается чихнуть.

Утром мне предстояло решить, как официально записывать в учреждениях человека, который ещё месяц назад оставлял на моём зеркале отпечатки дорогого крема для бритья, а теперь мог потеряться в продуктовой сумке. Я собрала папку с документами, паспорт Кирилла, его старую фотографию и удостоверение о праве собственности на теплицу. Никакого специального пакета для превращённых людей у меня не нашлось. И только по пути к двери я заметила, что Репа притащила свою любимую игрушку — плюшевую мышь — и положила перед переноской.

— Видишь, — сказала я Кириллу. — Она тоже считает, что тебе понадобятся развлечения.

— Убери эту пакость.

Но мышь он не оттолкнул.

Перед выходом Кирилл потребовал записать его в Палату обещаний под настоящим именем и запретить людям употреблять слово «салат» в его присутствии. Я предложила составить список из пяти наиболее травмирующих продуктов. Он обиделся и отказался завтракать.

Через десять минут заглянул в миску с водой, увидел своё отражение и объявил голодовку официальной.

Я посадила его в кошачью переноску, постелив чистое полотенце и сняв дверцу, чтобы он мог свободно выбраться. До Палаты было пятнадцать минут пешком. На третьей минуте Кирилл выяснил, что при маленьком росте мир пахнет совсем иначе, и потребовал духи.

— Ты пахнешь огурцом, — сказала я.

— Это унижительно.

— Я шесть месяцев встречалась с человеком, который рекламировал зубную пасту со вкусом коньяка. Поговорим об унижении позже.

У здания Палаты обещаний выстроилась очередь. Над дверью висел плакат: «Ваше слово — наша забота». Под ним кто-то дописал мелом: «Уберите руки от моего слова». Работник учреждения старательно стирал надпись, но мел оставался в трещинах штукатурки.

— Номер вопроса? — спросила девушка за стойкой, не поднимая глаз.

— Самопроизвольное превращение с участием ведьмы, — сказала я.

— Заполняйте сто девятую форму. Растение слева на стеллаж.

Кирилл высунулся из переноски.

— Я человек.

Девушка продолжила печатать.

— Человек с растительными признаками — туда же. Пожалуйста, не мешайте обслуживать очередь.

— Попробуй сама проснуться овощем, — возмутился он.

— Я на этой работе четвёртый год, — ответила она. — Вчера мужчина превратился в торговый автомат и потребовал сдачу со всех родственников. Следующий.

В бланке имелись графы «вид продукции», «способ хранения» и «предполагаемая урожайность». Я перечеркнула первые две. На третьей Кирилл лично вывел: «ОТНОШЕНИЯ К СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ НЕ ИМЕЮ».

— Вы подписали не там, — сказал мужчина за моей спиной.

Я обернулась. Он держал папку, небрежно перетянутую резинкой, и потрёпанную отвёртку вместо закладки. Высокий, с немного усталым лицом, без дорогих часов и без попытки улыбаться как победитель конкурса обаяния. На лацкане была серебряная булавка ревизора.

— Здесь человек пострадал, а вы советы раздаёте, — заступился Кирилл. — Помогите материально.

— Кто из вас пострадавший? — поинтересовался незнакомец.

— Я! — одновременно сказали мы.

Он перевёл взгляд с меня на переноску.

— Понятно. Прошу в кабинет.

На двери значилось: «Лев Берестов. Ревизор договорных узлов». Внутри всё было аккуратно, кроме одной книжной полки, которая подозрительно кренилась на левую сторону. Я невольно оценила, сколько минут потребовалось бы её подправить.

— Кто произнёс условие? — спросил Лев, усадив меня к столу.

— Он.

— Кто активировал свидетельский узел?

— Кажется, я.

— «Кажется» здесь не годится.

— Я увидела нитку, потянула за неё и получила огурец. Если у вас есть глагол профессиональнее, пользуйтесь.

Лев не улыбнулся, но перестал писать.

— Можете показать руку?

Чёрная жилка была видна даже при дневном свете. Он достал из ящика небольшую лупу, попросил разрешения приблизиться и, получив кивок, осмотрел запястье. Пальцы у него были прохладные, с тонкими следами чернил возле ногтей.

— Долг вмешательства, — сказал он. — У вас есть свидетельская способность. Необученная. Поздравляю с наследством.

— Можно отказаться?

— От дара? Не знаю. От дальнейших решений — можно всегда.

Я попыталась рассмотреть жилку через его плечо. Рука болела только когда я думала о превращении, и это само по себе раздражало.

Кирилл взобрался на край стола.

— Мне двадцать восемь дней дали. А что потом?

— Если узел не развязать, форма закрепится. Разум и гражданские права сохранятся. Растения обычно плохо переносят холод, поэтому зимовать вам придётся осторожно.

— Я вообще-то не растение!

— В регистрационном смысле, разумеется, нет. Поэтому графу «урожайность» мы вычеркнем.

Он вытащил новый бланк, без колебаний разорвал старый и написал сверху: «Условное изменение облика дееспособного гражданина». Кирилл приободрился и сразу попросил указать в особых приметах «выраженные мужские качества».

— Укажем, что вы сами в состоянии подписывать обращения, — сказал Лев. — Этого достаточно.

В кабинете стало неожиданно тихо. Мне не пришлось защищать даже человека, которого я накануне искренне хотела выставить вон. Ревизор делал свою работу, не ожидая похвалы.

— Как вернуть всё обратно? — спросила я.

Лев достал чистый лист и разделил его на три части. Нужно было назвать конкретную ложь перед тем же свидетелем, возместить полученную выгоду или вред и получить моё свободное согласие отпустить узел. Никаких волшебных слов. Никакой вымышленной любви. Три неприятных дела, которые Кирилл обычно доверял кому-нибудь другому.

— То есть мы можем прямо сейчас? — обрадовался он.

— Конечно, если вы готовы признать всё, что скрыли, — сказал Лев.

— Я ничего не скрывал.

— Тогда у вас ещё почти весь срок. Сегодня вы ничего не обязаны решать.

Он отвёз нас проверить теплицу. Секретарь дала мне временное предписание: помещение содержать в безопасности, свидетельский плющ не повреждать, в принудительные обряды не вмешиваться. За самовольное исполнение узла полагался штраф. Штраф был таким, что

я автоматически пересчитала его в количество вывесок, которые ещё могла отреставрировать до пенсии.

У теплицы Лев осмотрел корни, проверил дверную раму и попросил оригиналы земельных документов.

— Их нет, — сказала я. — Пропали при расставании.

Кирилл внезапно заинтересовался собственным ботинком.

— Я получу копию в реестре, — продолжила я. — Уже запросила.

Лев достал из моей распечатки страницу с залогом, поднёс к свету и нахмурился. Я не любила это выражение: обычно оно предвещало счёт за дополнительные работы.

— Здесь печать Дома согласия, — сказал он. — Знаете эту организацию?

— Вижу её рекламу на остановках. Сегодня особенно хочется их не благодарить.

— Их печать стоит там, где собственник не оставлял подписи. Это серьёзно.

Он поднял глаза на Кирилла. Тот сделал вид, что тщательно изучает состояние манжета.

— Вы всё ещё уверены, что не оформляли никаких договоров?

— Абсолютно.

Зелёная нить, оставшаяся у плюща, тихо звякнула. Я услышала звук раньше, чем поняла, что не должна была его слышать.

Глава 3. Не мариновать!

Утренний поход за лекарствами для несуществующей медицинской категории начался с аптеки. Фармацевт, женщина лет пятидесяти, выслушала мой рассказ, внимательно рассмотрела Кирилла из-за приоткрытой крышки переноски и сообщила, что у неё есть спрей от плесени, но рекомендовать его человеку она не станет.

— Мне нужно что-то от переохлаждения, — объяснила я. — И совет по питанию.

— С питанием сложно, — сказала она, поправляя очки. — Он сам питается или его поливать?

— Я вообще-то присутствую, — вмешался Кирилл.

— Вижу. Очень сочувствую.

Она дала нам термометр, мягкий теплоизолирующий коврик и адрес частного специалиста по последствиям трансформаций. За консультацию тот просил столько, сколько я надеялась получить за реставрацию трёх старинных вывесок. Пришлось выбирать более дешёвую меру: я открыла домашнюю бухгалтерию и призналась самой себе, что деньги почти закончились.

В мастерской ждали два заказа. У одной женщины треснула свадебная тарелка, у другого клиента была табличка с фамилией семьи, прожившей в Вереске пять поколений. Я могла отказаться и остаться присматривать за Кириллом. А могла предложить ему заняться чем-то полезным, если уж он так любит выражение «партнёрство».

— Будешь отвечать на звонки, — сказала я, ставя переноску на широкий стол. — Не обещаю сроков, не торгуйся и не называй меня Варюней.

— Я специалист по рекламе, — оживился он. — Мы можем поднять твою мастерскую. Сделать ребрендинг, взять наружку, запустить реферальную программу.

— Мы можем найти квитанцию на вот эту тарелку. Это сейчас важнее всех рефералов вместе.

Первые полчаса он не выдержал. Клиентке, звонившей по поводу старого чайника, Кирилл предложил новый слоган. Та спросила, почему в телефоне такой тонкий голос. Он заявил, что разговаривает с ней из командировки. Я молча забрала трубку. Когда клиентка ушла, на столе обнаружились перепутанные накладные.

— Если хочешь помогать, попробуй слушать людей, — сказала я.

— Я их слушаю.

— Женщина три раза сказала, что чайник принадлежал её отцу. Ты предложил заменить его современным с автоподогревом.

— Это было практично.

— Это было не то, за чем она пришла.

Я стала вынимать мелкие осколки из коробки, а Кирилл забрался на стопку тетрадей и примолк. Только через час, когда пришёл мужчина с жестяной вывеской и попросил сохранить царапину на букве «о», потому что её оставил его дед, бывший неожиданно уточнил:

— А если царапину не трогать, можно почистить остальное?

Клиент удивился, потом кивнул. Дальше они говорили уже без меня. Кирилл записал пожелания на клочке бумаги, медленно, с трудом удерживая карандаш. Почерк походил на следы бегущего паучка. Он дважды уронил карандаш, но не попросил, чтобы я сделала работу вместо него. Когда клиент ушёл, Кирилл протянул мне запись.

— Я уточнил. Он хочет, чтобы буква осталась кривой.

— Ты это услышал?

— Не надо так смотреть. Я не совсем идиот.

— Приходится пересматривать экспертизу.

Он фыркнул и вернулся к своему коврику. После обеда Кирилл попросил старый телефон, чтобы «хотя бы объяснить людям, что жив». Я включила голосовое управление и увеличила кнопки: обычный экран реагировал на его маленькие пальцы через раз. Телефон я дала только с условием: никаких публикаций без моего разрешения и никакого упоминания теплицы. Он кивнул слишком быстро. Через полчаса на экране у него горел незнакомый редактор видео.

— Что ты делаешь?

— Ничего. Монтаж.

— Мы договаривались.

— Мне нужно вернуть репутацию. Если все думают, что я овощ, никто не захочет подписывать со мной контракты.

Я указала на его нынешнее тело. Он с досадой махнул рукой.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

Я понимала. Похоже, Кирилл хотел первым рассказать смешную версию беды, чтобы никто не успел спросить о том, как она произошла. Когда я забрала телефон, он закричал, что я лишаю его права голоса. Пришлось вернуться, сесть напротив и потратить двадцать минут на объяснение разницы между правом рассказывать о себе и правом публиковать чужую ответственность и чужую жизнь.

— Снимай себя, — сказала я наконец. — Только не показывай адрес и не выдумывай, будто я тебя похитила.

Он недоверчиво нахмурился.

— Правда можно?

— Это твоя история тоже. Но не только твоя.

Я отошла к рабочему столу. Десять минут Кирилл снимал видео про то, как трудно быть овощем в мире без пандусов для овощей. Ещё пять подбирал музыку. А потом ткнул в «Опубликовать». Я успела перехватить телефон прежде, чем загрузка закончилась, и сохранила ролик в черновики. На заднем плане отчётливо виднелась бабушкина теплица, а разрешения показывать её всему городу я ему не давала.

До конца рабочего дня оставалось несколько часов. Я вернулась к заказам, но спокойно поработать не успела: следующий посетитель пришёл совсем не за реставрацией.

К концу второго дня я изучила проблемы овощеводства гораздо лучше, чем мечтала. Огурцу было холодно у окна, жарко у батареи, скользко на кафеле и совершенно невыносимо в присутствии кошки. Последнее обстоятельство я понимала: Репа относилась к нему с таким интересом, с каким я изучала условия кредита.

— Мне нужна отдельная комната, — заявил Кирилл, когда я поставила у дивана низкий столик с мягким ковриком.

— У меня две. В одной я работаю, в другой сплю. Третью построишь, когда научишься держать молоток.

— Твоей бабушке принадлежал целый дом!

— Бабушке принадлежала теплица и сарай. Но мне нравится, что ты уже начал делить наследство.

Я прикрепила к столу лист «НЕ МАРИНОВАТЬ», купила небольшой увлажнитель и записала телефон дежурной Палаты. Разумеется, через час Кирилл пожаловался, что стол находится слишком близко к телевизору. Ещё через пятнадцать минут попросил зарядку для телефона.

— Зачем тебе телефон? — спросила Нина, заглянувшая после закрытия пекарни.

— Чтобы работать. Мне, в отличие от некоторых, карьеру никто не отменял.

Она присела перед ним.

— Так. Я сейчас скажу очень плохую мысль, а ты можешь отказаться. Огуречный круассан на нашей вывеске. Лицо скрыто, права соблюдены, гонорар честный.

— Нет, — сказала я.

— Я его спрашивала.

— И он скажет нет, если у него осталась хоть капля...

— Сколько гонорар? — поинтересовался Кирилл.

Нина закрыла рот ладонью. Смех вырвался наружу, как пар из сломанного чайника. Я прервала их обсуждение, объяснив, что рекламная съёмка не лучшее занятие для человека, которому необходимо разбираться с собственным превращением.

После ухода Нины Кирилл всё-таки добрался до черновика. Поставил мой телефон на коробку из-под обуви, переснял начало так, чтобы теплица будто случайно осталась в кадре, и опубликовал видео: «Думайте, прежде чем доверять женщинам. Моя бывшая превратила меня в огурец, но дух предпринимательства у неё не отнять».

За час ролик разошёлся по городским чатам. Нина обнаружила его ещё до того, как успела добраться домой: посетитель пекарни попросил «тот самый круассан, рядом с которым герой». Я узнала о славе из письма банка: «В связи с изменением рискованного профиля объекта просим подтвердить вашу платёжеспособность».

— Какой ещё профиль? — спросила я у Кирилла.

Он смотрел число просмотров.

— Варя, это шанс. Я могу монетизировать свою беду.

— А я могу монетизировать твой пиджак. До сих пор лежит в коридоре.

— Ты всегда убиваешь инициативу.

— Особенно если инициатива пользуется моим телефоном без спроса.

Ещё через полтора часа появился представитель Дома согласия — гладкий мужчина с тонким кожаным портфелем. Он представился Антоном Моревым и говорил голосом человека, который привык сначала согласовывать фразу, а уже потом произносить её.

— Госпожа Лунина, мы готовы помочь вам снять административные претензии. Город переживает непростой случай. Думаю, никто не заинтересован в общественной панике.

— Я заинтересована в том, чтобы вы ушли с моего крыльца. Это считается общественным мнением?

Морев улыбнулся и протянул готовый договор. Там значились погашение моего кредита, освобождение от штрафа и аренда теплицы на девяносто девять лет. Пункт об аренде был напечатан шрифтом, который можно было изучать только под микроскопом.

— Вы называете это помощью?

— Взаимовыгодное соглашение.

— Для кого взаимное? Мою выгоду я вижу. А что будете делать с теплицей?

— Развивать инфраструктуру доверия.

— В Вереске и так слишком много людей, которые развивают чужое доверие.

Улыбка у него на миг исчезла. Этого мне хватило. Я вернула договор и закрыла дверь, а он ещё какое-то время стучал, предлагая бесплатную консультацию.

Около девяти вечера Лев приехал зафиксировать пломбой контрольный контур плюща, не запирая вход в теплицу: мне по-прежнему предстояло за ним ухаживать. Он увидел ролик и впервые за наше знакомство позволил себе маленькую, совершенно неслужебную улыбку.

— Смешно? — спросила я.

— Немного. Но не по той причине, по которой надеялся автор.

Он показал мне пломбу: при соблюдении режима теплица оставалась открытой для ухода за растениями, но любые новые узлы здесь запрещались до конца проверки. Когда он наклонился к корням, я заметила на его манжете свежую царапину. Он придерживал ветки рукой, чтобы не ломать, хотя мог просто срезать мешавший побег.

— У вас дома тоже всё разложено по папкам? — спросила я.

— Нет. По ящикам.

— Хоть что-нибудь вы делаете не по инструкции?

— Иногда теряю отвёртку. Это очень тревожит отдел контроля.

Перед сном я разбирала бабушкины коробки и нашла записку, написанную на обороте рецепта компота: «Варька, если вся жизнь потребует у тебя последнее слово, не отдавай его тому, кто обещает за других». Бабушка умерла весной, но в мелкой упрямой скорописи я сразу услышала её голос. Я долго сидела с бумажкой на коленях.

Ночью меня разбудил шорох у двери. Я вышла на кухню: Репа спала, Кирилл похрапывал на столике. За окном шевелилась длинная плеть плюща. Она протянулась от теплицы через двор и цеплялась за дверную ручку моего дома, как человек, которому очень нужно кое-что рассказать.

Глава 4. Ревизор с отвёрткой

Ночью после того, как плющ протянулся ко мне через двор, я вышла на крыльцо в домашних тапочках и тёплой куртке поверх пижамы. В детстве бабушка считала, что человеку, вышедшему среди ночи слушать растения, следует сначала надеть носки. Тогда я смеялась. Теперь шла по мокрой плитке и серьёзно размышляла, как часто наши предки оказывались правы в нелепых вопросах.

Плеть плюща медленно сползла с дверной ручки. На конце плети держался листок, свёрнутый трубочкой. Я расправила его. Вместо жилок по зелени бежали строчки: «Место свидетельского узла вскрывали посторонние. Ищи не того, кто клялся, а того, кто хотел воспользоваться клятвой».

— Могла бы прислать это на почту, бабушка, — прошептала я.

Лист в ответ тихо зашелестел. Я оглядела двор. В окне соседнего дома горел свет; на лавочке под липой кто-то забыл оранжевую хозяйственную сумку. Ни двор, ни соседние окна не изменились. На их фоне говорящий огурец казался почти меньшей проблемой.

Вернувшись, я постучала по переноске. Кирилл высунул голову из-под пледа.

— Чего тебе?

— Кто знал, что ты собираешься прийти в теплицу в тот день?

— Все, кому я жаловался на наш разрыв.

— То есть город?

— Не преувеличивай. Коллеги, один приятель, девушка из рекламного отдела.

— Та, с которой у тебя было «рабочее общение»?

Он спрятался глубже.

— Варя, сейчас два часа ночи.

— Спасибо, у меня уже есть часы. Ты кому-нибудь пересылал документы по земле?

— Я говорил тебе: никаких документов я не подписывал.

Из теплицы донёсся короткий металлический звон. Кирилл вздрогнул и сразу поправился:

— Никаких окончательных. Я точно не подписывал окончательных.

Я выключила свет. Перед сном написала Льву, приложила фотографию листа и попросила объяснить, что значит «вскрывали свидетельский узел». Ответ пришёл через семь минут: «Не входите внутрь до осмотра». Конечно, написала я. Я даже поставила телефон экраном вниз, чтобы эта очевидная рекомендация не раздражала меня ещё сильнее.

Утром Кирилл исчез. Я нашла его в теплице: он отправился «проветриться», а старый механизм оранжереи сам захлопнул створки. На дверях горела свидетельская печать. Чтобы открыть их, следовало произнести связующее слово, которого я не знала. Кирилл метался за стеклом и требовал немедленно вызвать спасателей.

— Я уже позвонила, — сказала я. — Теперь отойди от двери.

— Варя, тут солнце! Я жарюсь!

Я натянула на стекло мокрую простыню, чтобы перекрыть прямые лучи. Потом попробовала поддеть щеколду линейкой. Линейка сломалась; на руке зажглась чёрная жилка. Я отпустила её и едва не заплакала от злости.

Лев приехал с небольшим ящиком инструментов. Поставил его на землю, осмотрел дверь и попросил объяснить, что я уже сделала.

— Намочила простыню, сломала линейку и почти послала весь мир к чертям.

— Последнее обычно не помогает механизмам.

— Вы уже видели такое?

— Неоднократно. Надо снять верхнюю планку.

В отличие от Кирилла, который в подобной ситуации долго объяснял бы, как всё починит, Лев достал отвёртку и начал отвинчивать крепления. Я подала ему переносную лампу. Он не заметил, что это моя реставрационная лампа, дорогая и капризная, зато держал её за металлический обод, не касаясь горячего корпуса. Когда мы сняли планку, обнаружился перетёртый трос. Я дала ему тонкую медную проволоку из своего рабочего чемоданчика.

— Подойдёт, — сказал он. — Хорошая мысль.

Я уставилась на его затылок. Обычно мужчины начинали комплименты с моей внешности, а заканчивали просьбой перенести тяжёлую мебель. Похвала проволоке оказалась неожиданно приятной.

Кирилл между тем не бездействовал.

— Я всё слышу, — кричал он. — Если собираетесь флиртовать, пожалуйста, сначала спасите заложника!

— Заложник, — ответила я, — сдвинь горшок. Мы открываем окно.

— Он тяжёлый.

— Он пустой!

— Мне сложно оценивать мир в новой комплектации!

Окно поддалось. Лев просунул руку внутрь, опустил рычаг и открыл дверь. Я тут же перенесла Кирилла в тень и дала воды. Бывший принял заботу как должное, потом попросил компенсацию за моральные страдания. Я написала на листке «счёт за воду — один рубль» и протянула ему. Он смял листок, насколько позволяли пальцы.

Лев тем временем осматривал корни плюща. Несколько ростков были надрезаны так ровно, как не бывает от случайной поломки. В земле я заметила маленькую ямку размером с лесной орех.

— Здесь что-то было, — сказала я.

— Семя отказа. Очень редкое. Должно появляться только после добровольного освобождения узла.

— Бабушка их выращивала?

— Судя по корневой структуре, да. Кто-то забрал одно до нашего приезда.

— Ваша бабушка иногда работала с Палатой, — сказал он, осторожно перекладывая лист в бумажный конверт. — Последние годы неофициально. Ей не нравилось, что свидетельские места превращают в имущество компаний.

— Она мне говорила, что у нас в городе закон способен заставить чайник не остывать, но не может заставить человека вовремя вымыть его.

Лев одобрительно кивнул.

— Похоже на неё.

— Вы были знакомы?

— Заочно. Я изучал её отчёты. Она никогда не соглашалась с ответом, если он красиво звучал, но не объяснял действия.

Мы стояли возле открытого люка под столом теплицы. Внутри темнел старый привод, ещё пахло машинным маслом. Лев просил не касаться зачарованных корней до окончания осмотра, поэтому я занялась механикой — осторожно снимала ржавчину с петли, которую он уже разобрал.

— Почему вы всё время чините вещи руками? — спросила я. — Вы же умеете магию.

— Умею. Она очень хороша для свидетельств. Для старого винта лучше отвёртка. Особенно если винт не давал согласия на колдовство.

Я подняла голову. Ни тени улыбки.

— Это вы пошутили?

— Не исключено.

Мне пришлось отвернуться, чтобы он не увидел улыбку. Через минуту он попросил у меня тонкую кисть. Я дала не ту, и он не стал читать лекцию, просто показал, как добраться до узкой канавки рядом с корнем. Работать с ним вдвоём было неожиданно удобно: никто не лез поверх локтя и не объяснял мне мою же работу. Когда Лев потянулся мимо меня за тонкой кистью, его рукав скользнул по моему предплечью. Он тут же отодвинулся, оставив между нами прежнее расстояние. Я же ещё пару секунд слишком внимательно смотрела на канавку в металле и злилась на себя за то, что вообще заметила это прикосновение.

Когда мы смыли остатки земли возле пустой ямки, у корня открылась едва заметная царапина. Лев попросил меня показать место, где я увидела волшебную нить в первый раз. Я положила ладонь на стеклянную раму. Чёрная жилка на запястье отозвалась уколом. Под верхним слоем почвы блеснул тонкий серебристый обломок оболочки — меньше ногтя.

— Это могло остаться от того семени? Плющ ночью пытался предупредить именно о нём? — спросила я.

— Возможно. Но пока это ваша догадка. Мы зафиксируем её отдельно от того, что можем доказать.

Я покосилась на ревизора. В иных обстоятельствах меня взбесила бы его правильность. Теперь он не отнимал у меня надежду, а просто делал её пригодной для суда.

Он упаковал образец почвы в бумажный пакетик, поставил дату и предложил сделку. Палата не будет закрывать теплицу, если я разрешу официальное исследование растений и пообещаю — он поправился: письменно подтверждаю — что не стану больше трогать чужие узлы самостоятельно.

— Только при мне, — сказала я. — Никаких тихих раскопок. И опись каждого горшка.

— Согласен.

— Ещё никаких подмен слов в тексте. Я буду читать договор сама.

— Рассчитывал на это.

— Вы сейчас издеваетесь?

— Совсем немного.

Мы сели на перевёрнутые ящики составлять опись. Кирилл носил нам карандаши, постоянно уточняя, оплатят ли ему работу. Я сперва отмахивалась, потом выдала ему два бумажных рубля из старой настольной игры, найденной в коробке. Он внимательно рассмотрел их и сказал, что при нынешней инфляции денег хватит на половину разговора.

Через два часа Лев собирался уходить. Я вышла за ним к воротам.

— Вы говорили про три условия, — сказала я. — Я могу не соглашаться отпускать узел?

— Можете. Ваше согласие — отдельная вещь. Никто не вправе заставить вас простить ложь.

— А если он выполнит первые два?

— Тогда у вас останется право решить. Только учтите, — он закрыл ящик, — решение удержать человека в чужой форме тоже имеет цену.

Он не уговаривал меня быть хорошей. Эти слова попали неприятно точно. Я молча кивнула.

Позже пришли результаты предварительного анализа: в земле обнаружили остатки семени отказа, украденного из зарегистрированной коллекции. Документ был подписан двумя печатями — Палаты обещаний и Дома согласия. Одна означала проверку; другая выглядела как чужая рука у меня на пороге.

Глава 5. Самая честная ложь

Кирилл признался на третий день. Не во всём, конечно. Во всём он признавался только когда ему удавалось представить признание собственной заслугой. После истории с заевшей оранжереей мы сели за поздний завтрак, и он наконец перестал делать вид, что рекламный договор появился без его участия.

— Я подписал черновик рекламного договора, — сообщил он за завтраком. — Но это вообще не считается.

Я держала чашку двумя руками. Так меньше хотелось её бросить.

— Что именно ты рекламировал?

— Концепцию стабильных отношений.

— Отличный выбор человека для проекта.

— Мы тогда ещё были вместе, Варя. Не начинай.

— При чём здесь мы? Как договор связан с бабушкиной землёй?

Он долго ковырял ногой край салфетки. Сидеть за кухонным столом теперь приходилось в самодельном стульчике из перевёрнутой мыльницы, который я обтянула тканью. Было у этого положения одно преимущество: Кирилл не мог эффектно уйти, хлопнув дверью, не попросив сначала помочь ему спуститься.

— Никак, — наконец сказал он. — Проект отдельно, земля отдельно.

Я показала ему извещение о залоге. Он отвернулся к окну.

В полдень приехал Лев с результатами экспертизы почвы. Семя отказа относилось к разновидности «освободитель»: растение могло вырасти только там, где обещание снимали добровольно, без угроз и покупного согласия. Последнюю известную партию зарегистрировали два месяца назад на городском рынке.

— Я пойду с вами, — сказала я, когда Лев стал складывать бумаги.

— Это служебный выезд.

— Семя украли из моей теплицы.

— Поэтому я и собирался предложить вам присутствовать. Но не советую хватать незнакомые растения.

— Меня всего один раз подвела нитка.

— Последствия вы возите в переноске.

На рынок мы ехали трамваем. Трамвай был старый, обещал «своевременное прибытие» при помощи серебряного значка свидетеля и потому останавливался на каждой станции точно по расписанию, даже когда внутри случалась драка за свободное место. Лев держался за поручень, глядя в папку. Я разглядывала его серьёзное лицо и пыталась понять, бывает ли у него отпуск. На резком повороте меня качнуло в проход; он поймал меня за локоть, удержал ровно столько, сколько требовалось, и отпустил раньше, чем помощь успела превратиться в объятие. Запомнилась именно эта аккуратность — сильнее, чем запомнилось бы эффектное объятие.

— Когда вы в последний раз смеялись? — спросила я.

— Сегодня утром.

— Не заметила.

— Не всякий смех требует свидетелей.

Рынок магических растений находился между старым вокзалом и торговым центром, где продавали одинаковые телефоны с разными наклейками. На входе висел плакат «Растениям запрещено вступать в политические споры». Под ним пожилая фиалка громко возмущалась стоимостью парковки. Продащица поливала её из лейки и не обращала внимания.

В кармане у меня лежала копия экспертизы: последняя зарегистрированная партия семян отказа прошла именно через этот рынок. Лев попросил меня не показывать документ продав-

цам без необходимости. Я согласилась, хотя слово «без необходимости» у нас с ним уже успело получить два разных толкования.

Адик торговал со складного стола, заваленного горшками и бумажными пакетами. По виду ему можно было доверить починить велосипед, но не вырастить на подоконнике даже кактус. Он носил кожаный жилет, тяжёлые ботинки и смешной значок «Меня здесь нет».

— Не надо подходить втроём, — предупредил он, увидев нас. — Палату вижу сразу. У ревизоров лицо особенное.

— Какое? — спросила я.

— Как у человека, который не покупает траву без сертификата.

Лев поднял с края стола небольшой горшок.

— У вас у драцены поражён корень. Если сейчас не пересадить, через неделю потеряете растение.

Адик осторожно забрал горшок.

— Только не при покупателях. У меня репутация опасного человека.

Я присела возле ящика с тонкими серебристыми ростками. На каждом висела миниатюрная бирка. Одни подтверждали знакомство, другие свидетельствовали обмен, третьи записывали отказ от подарка. Покупатели спорили о цене, нюхали землю, приносили пустые банки для пересадки. Магия здесь выглядела не величественно, а почти трогательно — люди таскали домой маленькие растения, потому что хотели, чтобы кто-то услышал их слова.

Женщина с мальчиком выбирала цветок для отца, который обещал научить сына рыбачить. Мальчик хотел самый большой куст, чтобы папа точно не забыл. Мать объясняла, что напоминание не заменит присутствия. Я задержалась возле них на минуту дольше, чем следовало. Раньше я тоже верила: если сделать важное желание достаточно красивым, другой человек обязательно исполнит его.

— Вам каталог зачем? — спросил Адик, когда мы вернулись к прилавку.

— Ищем происхождение одного семени. Оно не должно было оказаться в чужой земле, — ответила я.

— Вы же понимаете, что я не веду список незаконных покупателей?

— Значит, покажете обычный.

— А я что получу?

Я раскрыла сумку, вынула небольшой терракотовый черепок с голубой глазурью. Это была декоративная деталь от старой печи, одну из которых я собиралась использовать для учебных образцов. Адик увидел клеймо и даже перестал играть в опасного продавца.

— Настоящая вересковская мастерская? — спросил он.

— Угадали. Есть ещё такой же, но его я не отдам.

Он провёл ногтем по краю.

— Мне нужно восстановить чашку деда. Краску подобрать не могу. Предлагаете обмен?

— Предлагаю вам консультацию и этот фрагмент. Каталог посмотрим при вас, ничего не забирая.

Лев хмыкнул.

— Ваша профессия опять побеждает мои полномочия.

— А вы не ревнуйте к черепку.

Адик оглядел нас с интересом, которому я предпочла бы не давать повода.

— Молодые люди, если вы тут свидетели любви, у меня отдельная линейка товаров. Без гарантии возврата средств, но с красивой упаковкой.

— Мы по работе, — одновременно сказали мы.

Он расплылся в улыбке.

Каталог оказался толще, чем телефонная книга, которую я помнила из детства. Рядом с датами закупок были адреса пунктов выдачи, печати муниципальных служб и пометки о

возвратах. Лев сразу нашёл три одинаковые подписи, поставленные разными днями. Я заметила другое: бумагу под последними строками будто нагревали, и волокна в нескольких местах стали желтоватыми.

— Кто у вас делает исправления? — спросила я Адика.

— Какие исправления?

Я повернула к свету страницу. Проявились слабые очертания старого адреса.

— Здесь раньше была улица Лесная. Потом её перекрасили на Садовую. Видите, у буквы «д» хвост длиннее остальных?

— У меня отличная память, — обиделся Адик. — Я бы не перепутал улицы.

— Я и не говорю, что вы перепутали.

Лев не стал тянуть к себе книгу. Он дождался, пока я закончу фотографировать страницу, и попросил Адика назвать последнего курьера. Тот долго мялся, затем признался: коробку забрала женщина с пропуском Дома согласия. Его покупателями были разные люди, но с тех пор у каждой спорной партии один и тот же отправитель.

Перед тем как закрыть каталог, я заметила в правой колонке фамилию: «Кошелева Т. Л.». Тамара Львовна, наша соседка, которая воевала за дворовую лавочку уже двенадцать лет. Я видела, как она почти каждый день сидит под липой, но до этой минуты не думала, что её упрямство может быть связано с обязательством.

— И почему вы молчали? — спросил Лев.

— Потому что у меня мама живёт в квартире, которую компания застраховала. Они пообещали ей, что с ней ничего не случится. Теперь она уже год не разрешает мне менять дверь: гарантии будто бы нельзя нарушать. Вы думаете, я не понимаю, что всё не так?

Тут мне впервые захотелось перестать спорить с рынком и просто посидеть рядом. Адик заметил моё выражение и поспешно сунул черепок под прилавок.

— Только без сочувствия. Лучше найдите того, кто обещал за неё. А дверь я сам поме- няю, когда можно будет.

Он вернулся с книгой и указал на запись, где штрих-код был почти стёрт. Я сфотографировала его, стараясь не задеть соседние страницы. Домой мы ушли с уликой и с обещанием принести Адику образец глазури. Своё обещание я записала на ладони ручкой. Хотелось, чтобы хоть одно простое слово в этот день никому не навредило.

На обратном пути Лев купил у уличного торговца два печёных каштана и отдал один мне. Чек он аккуратно сложил пополам, потом ещё пополам. Это было странно трогательно. Я с трудом удержалась от вопроса, хранит ли он чеки от каждого съеденного каштана.

Когда я вернулась, Кирилл встретил меня обиженным молчанием. Я поставила перед ним миску с нарезанным яблоком.

— Ешь. Завтра будем выяснять, почему Тамара Львовна не выходит со двора.

— Ты провела весь день с этим Берестовым?

— Я провела день на рынке.

— Он же на тебя смотрит.

— У него есть глаза. Для ревизора удобно.

— Я просто предупреждаю. Мало ли что у него в голове.

— Спасибо, Кирилл. От специалиста по скрытым мотивам особенно ценно.

Глава 6. Лавочка, на которой держится мир

Соседка Тамара Львовна всегда считала, что главное зло нашего века — отсутствие нормальных общих собраний. Когда я была маленькой, она вела во дворе кружок «Практическое сопротивление неудобствам». Там учили писать заявления, прикручивать скамейки и не поддаваться на фразу «так положено». Бабушка приносила на занятия чай и горшки со свидетельской мятой. Тогда я полагала, что это кружок для взрослых, которые слишком любят сидеть на улице.

На четвёртый день после превращения, перед встречей с Тамарой, я заглянула к Нине за булочками. Она училась работать с новым поставщиком, и лицо у неё было такое, будто весь сахар в мире предал её лично.

— Ты опять из тех, кто несёт новости вместо денег? — спросила подруга.

— Я принесла деньги за два стакана кофе.

— Положи на стойку. Теперь рассказывай.

Я пересказала запись из каталога: адрес Тамары, городской контракт и следы старой правки. Нина достала два бумажных пакета и сунула в один булочки, в другой — запечённые груши.

— Для Тамары. Она вечно делает вид, что не любит сладкое, а потом заказывает самую большую порцию.

— Скажи, ты когда-нибудь устаёшь всех кормить?

— Да. Особенно когда все считают, будто это означает, что у меня нет собственной жизни.

Она посмотрела на меня поверх открытой кассы. Я собиралась попросить её оставить у себя Кирилла на несколько часов, но промолчала.

— Варь, просить нормально, — сказала Нина. — И мне нормально иногда говорить «не сегодня». Договорились?

— Ты пугаешь меня своей независимостью.

— Я её недавно нашла между тестом и бухгалтерией.

У Тамары во дворе уже было двое посетителей. Почтальон пытался вручить ей квитанцию за коммунальную услугу «сохранение устойчивости дворовой среды». Соседка спорила, что лавочка и без дополнительной платы стоит устойчиво. Почтальон не возражал, но уйти не мог: система отмечала обязательство неоконченным. Только когда Тамара приняла бумагу и вслух заявила, что будет оспаривать её, он облегчённо зашагал дальше.

Пока мы ждали Льва, Тамара заговорила про правнука. Рассказ получился длинный и сердитый. Дочь давно уехала к морю, внук жил неподалёку от неё, а теперь появился мальчик, которого прабабушка видела только на экране. Почему она сама к ним не ездит, Тамара сперва объяснять не захотела — только поправила пакет с грушами у меня в руках и сказала, что некоторые дворы умеют держать крепче родственников.

— Вы пытались хотя бы оформить поездку? — спросила я.

— Пыталась оформить много чего. Устно, письменно и в красивом отделе, где мне предложили терапию принятия последствий. Я спросила, умеют ли они принять моё заявление. Не понравилось.

Пока мы говорили, мимо прошли трое детей с самокатом. Один остановился у лавочки и попытался заехать на неё, разогнавшись. Тамара привычно пригрозила отнять колёса. Мальчик убежал, но его приятель задержался и спросил:

— Баб Тамара, а вы правда никогда не выходите со двора?

— Когда-нибудь выйду, — сказала она. — Только сперва взрослых научу не писать глупости.

Когда подошёл Лев, Тамара Львовна всё ещё сидела под липой и вязала носок ярко-зелёного цвета. Почтальон уже ушёл, дети укатили дальше. При виде ревизора она отложила вязание с видом человека, у которого спор подготовлен заранее.

— Что вы хотите? — спросила она, едва увидела нас с Львом. — Лавочку не отдам. Хоть расстреливайте.

— Мы не из управы, — сказала я. — Я Варя из дома напротив. Бабушкина внучка.

— Вижу. На неё похожа, особенно когда сердитая. А это кто? Ваш муж?

Лев представился. Тамара Львовна тщательно выслушала его должность и объявила, что Палате обещаний она уже сорок лет ничего не должна.

— Не сомневаюсь, — ответил Лев. — Но можем спросить, почему вы не ходите в магазин через дорогу?

Она перестала вязать.

— Мне и здесь хорошо.

— А зимой? — спросила я. — Когда метель, вы тоже здесь сидите. Я всё думала, почему.

— Потому что меня подлая управа с моей лавочки не стонит.

Слово «лавочка» отозвалось тихим металлическим звоном. Возле скамейки рос свидетельский куст, в листьях которого переливалась нитка. От талии Тамары Львовны она уходила в древесину.

Я почувствовала неприятное желание срочно разорвать узел. В голове уже сложилась удобная героическая сцена: яркий свет, свободная калитка, благодарная соседка. Тамара Львовна разрушила её одним движением — показала мне руки. Кожа была тонкая, с выступающими венами. Пальцы дрожали после бессонной ночи.

— Мне и страшно, Варенька, — призналась она. — А вдруг выйду за калитку, а лавочку потом снесут? Обещала же. Вдруг окажется, что я зря все эти годы тут сидела?

Тогда я поняла, что ей недостаточно просто открыть ворота. Нужно было разрешить себе изменить жизнь, не предав ту любовь, ради которой она когда-то здесь осталась.

Пятнадцать лет назад, рассказала соседка, молодому чиновнику понадобилось место под парковку. Она пообещала, что «не покинет лавочку, пока та стоит во дворе». Соседи тогда подписали письмо, лавочку отстояли, а обещание стало городской легендой. Позже Дом согласия выкупил у управы права на толкование муниципальных обязательств. Теперь каждый раз, когда Тамара пыталась выйти за ворота, ноги разворачивали её обратно.

— Ночью пробовала через дыру в заборе, — призналась она. — Бесполезно. Соседка воду носит, продукты тоже. Я не жалуюсь.

— Почему вы не подали заявление? — спросил Лев.

— Подала. Мне ответили, что сама обещала. Я бы их всех...

Она оборвала фразу и посмотрела на куст. Впервые мне пришлось в голову, сколько несказанного может быть у человека, который боится собственных слов.

Я увидела нить так отчётливо, что захотелось перерезать её пальцами. Рука отозвалась болью.

— Я могу снять, — начала я.

Лев повернул голову.

— Варя.

— Спросить надо сначала, — поправилась я и присела перед соседкой. — Вы хотите уйти с этой лавочки? Хотя бы до аптеки?

— Конечно хочу, дурочка. У меня внучка родила. Я правнука только по телефону видела.

Слова вышли не громко, но взгляд у неё стал совсем другим: больше не свирепым, а уставшим.

Официальная процедура называлась «уточнение объёма обещания при живом свидетеле». Для неё требовалось не меньше пяти дворовых подписей. Мы позвали соседей. Через

двадцать минут вокруг лавочки собрались двенадцать человек, две собаки и мужчина, который пришёл спорить только потому, что ненавидел собрания без своего участия.

— Лавочка — общественное имущество! — заявил он.

— Речь о женщине, — сказала я.

— И женщина тоже общественная? — осторожно переспросила Тамара Львовна.

Кто-то захохотал. Мужчина покраснел и настоял, что его неверно поняли. Пока Лев готовил протокол, соседи по очереди рассказывали, как скамейка служила им для ночных разговоров, кормления младенцев и тайного курения после отказа от сигарет. Стоило снять клятву, и соседи заговорили уже не о Тамаре Львовне, а о том, как сохранить саму лавочку.

— Я обещала её не бросать, — сказала Тамара. — Но не обязана стареть на ней, если все вы готовы иногда за ней присматривать.

Лев кивнул. Я подержала её руку — только чтобы подбодрить, никаких нитей. Она произнесла уточнение. Куст зашуршал, и из-под листьев выпало крошечное серебристое семя.

— Можно? — спросила я.

— Оно ваше, если я теперь правда свободна.

Тамара поднялась. Сделала шаг, второй, остановилась возле калитки. За ней начинался тротуар, до которого было два метра. Столько лет уместилось в этих двух метрах, что я не смогла подобрать даже смешную мысль. Женщина медленно перешла границу двора, и только тогда соседи заплодировали.

— Ну, — сказала она и поправила жилет, — теперь кто-нибудь довезёт меня до правнука. А то разошлись тут, будто концерт окончен.

Лев вызвался отвезти её после оформления бумаг. Я держала на ладони семя, похожее на каплю матового стекла. Чёрная жилка на запястье побледнела, но полностью не исчезла.

— Вы почти вмещались без спроса, — негромко заметил Лев.

— Но остановилась.

— Это и было самым трудным.

Я открыла рот для колкости и закрыла. Чужая правота царапала, но спорить было не с чем.

У ворот стоял мужчина в сером пальто и фотографировал нас телефоном. Когда я подняла голову, он убрал устройство и зашагал к остановке. Лев успел записать номер машины, в которую тот сел.

— Дом согласия? — спросила я.

— Почти наверняка.

Из моего кармана звякнул телефон. Нина сообщила, что из банка звонили ещё раз, а из Дома согласия прислали приглашение на личную встречу с Элеонорой Затонской. Внизу письма стояла фраза: «Рады, что теперь мы говорим на одном языке».

Глава 7. Акт приёма-передачи бывшего

На следующее утро в приёмную Элеоноры я собиралась как на свидание с налоговой инспекцией: взяла все бумаги, надела приличную рубашку и спрятала под каблуком пластырь, чтобы не хромать от новых ботинок. Кирилл настоял на своём присутствии. Он хотел, по его словам, защищать интересы семьи. Семья в его понимании имела широкие границы и обычно заканчивалась там, где приходилось мыть посуду.

— Семьи у нас больше нет, — напомнила я, укладывая его в мягкую сумку с вентиляционными отверстиями.

— У нас всё ещё общие юридические проблемы.

— Это не то же самое, что семья.

Он принял замечание с обиженным достоинством. В автобусе попросил закрыть сумку плотнее, потому что две школьницы обсуждали огурцы для масок. Я честно объяснила ему, что разговор шёл не о нём. Он мне не поверил.

Дом согласия встретил нас стеклянными дверями и ароматом дорогого кофе. На стене висели фотографии людей, которые улыбались в одинаковых белых рубашках. Под ними крупными буквами было написано: «Ваше решение — наша забота». Ниже, почти у плинтуса: «Вопросы пересмотра обязательств рассматриваются в индивидуальном порядке».

— И где здесь написано, сколько длится индивидуальный порядок? — спросила я девушку за стойкой.

— В зависимости от категории решения, — мягко ответила та. — Но у нас высокий процент счастливых клиентов.

— А несчастные клиенты дают согласие на публикацию статистики?

Девушка улыбнулась ещё шире, будто репетировала перед зеркалом.

Пока мы ждали, подошёл мужчина в форме городской службы. В руках он держал папку и букет. Он смотрел то на цветы, то на дверь кабинета.

— У вас свидание? — спросил Кирилл из сумки.

Мужчина подпрыгнул.

— Не совсем. Жена подала заявление на освобождение от обещания жить со мной всю жизнь. Мы оба хотим развестись, но страховка запрещает.

Мне вдруг стало не до шуток. Мужчина рассказал, что они с женой давно спокойно обсуждали расставание. С детьми договорились, квартиру поделили. Проблемой оставался купленный когда-то пакет «Нерушимая семья». Он гарантировал, что партнёры не примут решения, способного разбить брак.

— А зачем вы принесли цветы? — спросила я.

— Ей нравятся белые астры. У неё сегодня тяжёлый разговор с консультантом. Я хотя бы это могу сделать по своей воле.

Он заметил, как я посмотрела на букет, и смутился.

— Я её уважаю. Даже если мы больше не вместе.

После его слов мне особенно не понравилось, что за стеклянной перегородкой сотрудницы обсуждали «индекс сохранённых союзов». Люди здесь измерялись не счастьем, а количеством неразорванных ниток.

Элеонора Затонская принимала в кабинете без единого лишнего предмета. Даже цветок на подоконнике был подстрижен так ровно, будто подписал обязательство расти по линейке. Сама она носила тёмно-синее платье и обыкновенные серьги, говорила спокойно, не повышая голоса. От этого её предложение купить мою теплицу казалось ещё опаснее.

— Мне жаль того, что произошло с вашим бывшим партнёром, — сказала она. — Таких инцидентов было бы меньше, если бы люди пользовались надёжными гарантиями.

— Вы хотите сказать, что человек не превратился бы в огурец, если бы вовремя купил вашу страховку?

— Я хочу сказать, что система должна защищать от необдуманных слов.

Лев сидел рядом и записывал. Кирилл, оставленный за дверью кабинета, предварительно потребовал, чтобы его права представляла международная юридическая комиссия. Я пообещала передать это Элеоноре и сдержала слово.

Она улыбнулась в первый раз за встречу.

— С вашей теплицей связан уникальный свидетельский материал. Мы могли бы погасить долг по земле, выкупить права аренды и обеспечить вам собственное помещение под мастерскую. Вы талантливый реставратор. Я видела ваши работы.

Комплимент польстил и тут же насторожил: меня уже успели изучить. Одна часть души хотела попросить показать, какие именно работы; другая приказала первой помолчать.

— Теплица принадлежит моей семье, — сказала я.

— Я понимаю эмоциональную ценность. Но долг реален. Ваша мастерская тоже зависит от банка. Есть предложения, от которых разумно не отказываться.

— Мне нужно увидеть полный проект договора.

Она подвинула папку. На последней странице красовалось слово «СОГЛАСИЕ», а ниже несколько пунктов о передаче исключительного права толковать мои будущие обязательства. Я прочитала дважды.

— То есть если завтра пообещаю Нине испечь пирог, ваши юристы смогут решить, обязана ли я печь его до конца жизни?

— Вы упрощаете.

— Пока стараюсь не усложнить себе жизнь.

Элеонора убрала папку без раздражения.

— Предложение действительно до конца недели. Советую подумать.

После беседы я задержалась у автомата с водой. Лев ждал возле выхода, листая служебный планшет. Я успела рассказать ему про мужчину с астрами, пока аппарат наливал воду в бумажный стаканчик, не переставая желать мне гармонии.

— Я понимаю, зачем люди к ним идут, — сказала я. — Но почему потом нельзя просто сказать: «Я передумал»?

— Потому что гарантию продали не человеку, — ответил Лев. — После подписи уже система решает, что ему можно менять, а что считается нарушением.

— Разве такое можно подписать законно?

— Именно это я и пытаюсь выяснить.

Мы вышли на улицу. Кирилл высунулся из сумки и потребовал объяснить, что Элеонора предложила за теплицу. Я рассказала. Он задумался, потом осторожно произнёс:

— Ты могла бы погасить кредит. Знаешь, сколько времени это тебе сэкономило бы?

— Знаю. Я умею считать.

— Тогда почему сразу нет?

Я остановилась у перехода. Машины ехали быстро; у светофора хрипло пищал сигнал. Рядом пожилая женщина поправляла ремень хозяйственной тележки, а парень в наушниках спорил по телефону с матерью. Обычная улица, где сотни людей имели право решать, что делать дальше.

— Потому что она хочет купить не землю, — сказала я. — Она хочет купить возможность говорить за всех, кто туда придёт.

Кирилл поглядел на меня с непонятной досадой. Может быть, он хотел возразить. Но светофор загорелся зелёным, и нам пришлось перейти дорогу, пока город ещё разрешал делать это по собственному желанию.

К вечеру мы оформили теплицу как место официального расследования. Для этого потребовалось перечислить каждую грядку, полку и хозяйственную ёмкость. Кирилл записали отдельным пунктом как «дееспособного участника, временно изменившего биологические характеристики».

— Слова какие-то неуважительные, — сказал он.

— Напишем «временно выдающийся огурец», — предложила Нина.

— Смешно, смеётся вся семейка.

Он устроился возле окна и внезапно заговорил о Празднике честного слова, который должен был пройти через двадцать три дня. Выяснилось, что Кирилл разрабатывал рекламную кампанию для нового сервиса Дома согласия. По его словам, там собирались раздавать бесплатные гарантии счастливых отношений и защищённых обещаний.

— Бесплатных гарантий не бывает, — заметила Нина. — Кто платит?

— Спонсоры, муниципалитет. Вы ничего в рекламе не понимаете.

— Ты тоже, судя по твоей последней работе.

Кирилл отвернулся. Колкость вертелась на языке, но меня занимало другое. Человек, который утверждал, что не имеет отношения к земельному залогу, прекрасно знал планы организации, поставившей на нём печать.

В архиве Палаты нам выдали электронный перечень обращений по теплице. Я пролистала имена и даты. Среди старых актов мелькнула фамилия Берестов. Я ткнула пальцем в строку.

— Это вы?

Лев посмотрел, закрыл страницу и убрал планшет.

— Старое дело. К нынешнему происшествию напрямую не относится.

— «Напрямую» — чудесное слово. Можно им назвать всё, что не хочется объяснять.

— Варя, мне нужно проверить контекст.

Я открыла рот, чтобы спросить ещё, но он уже передавал мне бумагу о регистрации теплицы. На ней значилось, что проверки станут ежедневными. Мы оба посмотрели на печать, и я подписала согласие только после чтения всех страниц. Вот тебе и моя первая взрослая победа над красивым обещанием.

Глава 8. Оставьте свои гарантии себе

До того дня, когда пироги в Нининой пекарне стали одинаково кислыми, я считала её место самым устойчивым в городе. Пекарня называлась «Слой снаружи», потому что Нина не верила в рекламу с хрупкими обещаниями нежного сердца и верила в хорошее слоёное тесто. За стойкой работал студент Митя. Он путал имена постоянных покупателей, но безошибочно запоминал, кому нельзя корицу. В углу у окна читали газеты двое соседей, которые ссорились из-за политики и одинаково любили пироги с грушей.

На следующий день, в четверг, я пришла к открытию, собираясь забрать для Кирилла хлеб с мягкой корочкой. Если бы мне сказали месяц назад, что я стану выбирать бывшему пиццу по принципу «как бы не навредить овощу», я посоветовала бы человеку хорошего врача. Теперь врач был нужен скорее мне — бессонница не красила никого.

— Кофе? — спросил Митя.

— Два. Второй домой.

— Кому?

— Человеку сложной судьбы.

Нина из кухни крикнула, что сложной судьбой называется только тесто, в которое случайно добавили не ту муку. Я прошла к ней и увидела гору невыпеченных пирогов. У каждого начинка была абсолютно одинаковой консистенции, хотя на столе стояли яблоки, вишни и сушёная груша.

— Ты со вчерашнего вечера здесь? — спросила я.

— Не начинай с вопроса, на который неприятно отвечать. Попробуй это.

Она сунула мне кусочек теста. Я попробовала. Привкус был такой, словно яблоко перед смертью задолжало лимону.

— Что случилось?

— Ничего. Вообще ничего. Я сделала всё по новому договору, а оно не меняется.

В каморке висела рамка с договором «стабильного вкуса», который Нина повесила в день подписания. Тогда это казалось смешным: компания обещала защитить фирменные пироги от сезонных скачков цен и ингредиентов. Теперь бумага блестела печатью, а пироги, по всей видимости, подписали с ней какое-то отдельное соглашение.

— Я вчера захотела добавить больше корицы, — сказала Нина, не поднимая головы. — Рука не пошла к банке. Я стою над тестом, понимаю, что хочу, а тело делает то же, что в прошлый вторник. Потом испекла новый замес — и снова тот же рецепт. Я даже вес муки не могу поправить.

Я потянулась к её руке, но вовремя остановилась. После случившегося с Кириллом я тянула руку к чужой клятве и заранее представляла, как следом потянется нить.

— Ты звонила поставщику?

— Звонила. Мне объяснили, что бренд обязан быть предсказуемым. Клиентам, видите ли, положена психологическая безопасность.

На прилавок вернули первый пирог. Покупатель неловко сминал чек и виновато улыбался.

— Нина, я ведь не придираюсь. Просто у моего ребёнка началась аллергия на эту начинку. Вы раньше делали без неё.

Подруга побледнела. Она сама приняла жалобу, записала телефон, вернула деньги и сняла с витрины партию. Сотрудник поставщика, которому она позвонила при мне, сообщил, что прекращение продаж гарантированного рецепта считается нарушением стабильности. Он выразил готовность выслать инструкцию по правильному реагированию на потребительские переживания.

— Выслать можете, — спокойно сказала Нина. — Я её приложу к иску.

После разговора она села на мешок муки, взяла одну испорченную лепёшку и сердито надкусила.

— Мерзость какая. И ведь я сама это подписала.

— Там были другие условия, — ответила я.

— Там были слова, которые я не дочитала. Это тоже моя ошибка. Но чужая подмена от этого не перестаёт быть подменой.

Я хотела быстро предложить ей своего ревизора, свою теплицу, свой план из десятка шагов. Всё это вертелось на языке. Вместо этого спросила:

— С чего ты хочешь начать?

Нина посмотрела на меня так, будто проверяла слух.

— С того, что мы выбросим испорченную муку. Потом я сама позвоню адвокату. А ты, если не занята спасением мира, можешь помочь составить список тех, кому нужно вернуть деньги.

Мы с Митей вручную перебрали чеки. Он устроил для клиентов импровизированный приём у кофемашины, где объяснял, что временно нельзя покупать пироги, но можно получать бесплатный чай. Нина провела за три часа больше неприятных разговоров, чем за весь предыдущий месяц. Она не умела пообещать людям идеальный исход, поэтому говорила правду: рецепт повреждён, производство остановлено, помощь ищут.

К обеду пришла бабушка и принесла пакет домашних яблок, чтобы «девочкам было чем начать сначала». Нина спрятала яблоки за стойкой. Я видела, как дрогнул её подбородок, и впервые не стала рассказывать, какая она сильная. Просто поставила рядом чашку чая, ещё горячую.

Позже появился Лев. Он пришёл не с красивыми сочувствиями, а с запросом на оригиналы договоров, термометром для проверки партии и таким выражением лица, что Митя сразу назвал его «пожарным по бумаге». Лев узнал прозвище, кивнул и попросил не опрыскивать документы водой.

Тогда я впервые за последние дни допустила: нас, возможно, вытянет не один спаситель, а множество людей, каждый со своей работой.

К вечеру мы с Львом вернулись к договору ещё раз. Он прочитал четыре листа мелкого шрифта, затем предложил лупу. Я уже знала его привычку: сначала найти точное место в тексте, потом говорить.

— Здесь передача права толкования обещания, — сказал он. — Получатель решает, что такое изменение рецепта. Даже если поставщик нарушил требования качества.

Нина опустила на стул.

— Получается, я должна продавать людям кислое тесто?

— Вы можете остановить продажи, — ответил Лев. — Договор касается рецепта, не самого бизнеса.

— Прекрасно. Значит, обанкрочусь честно.

Я уже набрала номер городской инспекции, когда Нина протянула руку и накрыла мой телефон ладонью.

— Варь. Не надо.

— Тебе нужна помощь.

— Нужна. Но я сама решу, кого сюда вызвать и что сказать клиентам. Это моя пекарня.

Я хотела возразить. У меня даже был готов план из шести пунктов, как спасти Нину, сотрудников и весь дрожжевой сектор города. Она смотрела на меня устало, но твёрдо. Я убрала телефон.

— Ладно. Что от меня нужно?

— Убери телефон. Потом помоги запечатать образцы, а претензию я допишу сама.

После этого мы ещё долго работали. Я помогала запечатывать образцы муки. Лев снимал показания со свидетельского ростка, вросшего в рамку договора. Нина сама обзванивала клиентов и возвращала деньги. В конце концов у неё вышло составить претензию такими словами, что поставщик перезвонил через десять минут и предложил скидку.

— Мне не нужна скидка на то, чем вы отравите людей, — ответила Нина и положила трубку.

Кирилл, которого мы вынуждены были взять с собой — дома сломался увлажнитель, — расположился в переноске на полке с сухариками и наблюдал за нашей работой.

— На кризисе надо зарабатывать, — наставлял он. — Я бы выпустил лимитированную коллекцию пирогов «Неожиданная кислинка».

— К тебе не обращались, — сказала Нина.

— А зря. Я был ведущим специалистом по позиционированию.

— Сейчас ты ведущий специалист по зелёным оттенкам.

Он уже открыл рот для обиженного ответа, но отвлёкся на упаковку муки. Логотип на обратной стороне повторял форму серебряного колокола, который я видела на папках Дома согласия. Рядом была мелкая надпись: «Стандарт гарантии. Тестовая программа».

Я сфотографировала пакет. Лев наклонился ближе, взял его за края и впервые за весь день выругался вполголоса.

— Вот теперь, — сказала я, — я действительно напугана. Ревизор произнёс непечатное слово.

— Оно печатное, — ответил он. — Просто не для акта.

Глава 9. Человек, который приносит лестницу

В архив мы собрались на седьмой день после превращения. Я уже умела открывать переноску так, чтобы Репа не успевала сунуть туда нос, и измерять температуру воды не хуже санитарного инспектора. Кирилл превратил эти навыки в предмет ежедневных замечаний: вода, по его мнению, была «непрофессионально комнатной», а подушка не имела эргономической сертификации.

— Сегодня остаёшься у Нины, — сказала я, затягивая ремешок сумки.

— Это незаконное перемещение гражданина.

— У тебя есть документ о временном размещении. Я его вчера показала.

— Там написано, что меня можно перевозить только в условиях, обеспечивающих достоинство личности. Пекарня полна людей, которые режут овощи.

— Нина владеет ножами, но пользуется ими по назначению. Ты ей не нравишься настолько, чтобы менять меню ради мести.

Он уже набрал воздух для ответа, но в дверь постучали. На пороге стоял Лев с огромной связкой ключей, страховочным ремнём и совершенно не романтической папкой протоколов. Его рубашка была заправлена, обувь чистая. Я посмотрела на свои джинсы с пятном эмали и решила не спрашивать, какого возраста человек впервые перестаёт стесняться рабочего беспорядка.

— Надеюсь, вы поели, — сказал он.

— Почему?

— В архиве может не быть возможности выйти несколько часов. Я взял воду.

— У вас в расписании есть пункт «мир застанет нас врасплох»?

— Есть. Поэтому я взял две бутылки.

Кирилл громко прокашлялся в переноске. Лев поздоровался с ним по имени и спросил, как самочувствие. Мой бывший даже не сумел ответить язвительно. Он сообщил, что у него слегка немеет правая нога. Лев тут же объяснил, как правильно размещать ногу на мягком валике, и записал жалобу в служебный лист. Я невольно запомнила: с ним можно было не нравиться друг другу, но это не отменяло элементарной внимательности.

Нина встретила нас возле булочной с подносом вчерашней выпечки, которую больше нельзя продавать из-за повреждённого договора. Она сама откусила кусок и поморщилась.

— Не есть, — предупредила она. — И я сейчас не шучу. Вчера пыталась изменить рецепт, а мне стало физически плохо. Сегодня юрист передал претензию. Пока ждём ответа.

— Если нужна будет свидетельская проверка, — начал Лев, — я могу оформить её по запросу.

— Запрос будет, когда я решу, что нужен именно такой, — перебила Нина без злости.

Лев чуть удивился, потом кивнул. Я встретила её с подругой глазами. Она не отдала свою беду первому специалисту с аккуратной папкой. И перед собственным расследованием мне стало спокойнее.

В чердачное помещение над булочной вела дверь, которую никто не открывал лет пятнадцать. Администрация уверяла, что старые акты не уничтожались. Их просто перенесли туда, где меньше шансов кому-то понадобится. Я прихватила пару листов копировальной бумаги и набор реставрационных ламп, завернув всё в сухую ткань. Лев проверил, нет ли опасности для документов, затем расстелил на полу чистую плёнку.

— У вас всё это с собой? — спросила я.

— Нет. Часть я принёс, потому что вы сказали, чем занимаетесь.

Я поймала себя на улыбке. До него мужчины в моём доме делились на тех, кто считал реставрацию милым хобби, и тех, кто любил давать советы, не зная, чем отличается клей для дерева от фиксатора глазури. Лев просто принёс плёнку, о которой я сама не вспомнила.

Мы начали с первого ящика, а нашли полезное только в четвёртом. Пыль попадала в нос, на старых накладных проступали отпечатки чужих мокрых пальцев. Между бумажными страницами лежала детская записка: «Папа, забери меня сегодня пораньше». Я не удержалась и поправила сгиб, чтобы не порвался. Лев наблюдал за мной, молча придерживая угол коробки.

— Вам не жалко времени? — спросил он.

— На записку?

— Мы ищем серьёзные договоры.

— Для того, кто оставил эту, она тоже была серьёзной.

Он ничего не ответил, но позже положил записку в отдельный прозрачный конверт, не смешивая с макулатурой. Я заметила это и промолчала.

Когда мы наткнулись на испорченную печать, он сразу показал мне её, не пытаясь сам подбирать реактивы. Мне пришлось работать при свете переносной лампы, медленно восстанавливая чернильный след. В тишине было слышно, как скрипит лестница и шумят машины за окнами. Лев стоял рядом и держал свет так устойчиво, что я успела забыть о необходимости предупреждать человека: не трогай, не двигай, не советуй.

Через сорок минут на бумаге выступил адрес, который кто-то старательно затёр. Из-за соседней комнаты донёсся звук шагов. Лев выключил лампу, прислушался и потянулся за удостоверением. Я схватила ящик с бумагами, но подошва скользнула по пыли. Дальше всё произошло быстро, с участием коробки, костюмов и чужого достоинства. Хорошо, что никто не вёл видеозапись.

После поисков в верхней подсобке мы добрались до дальнего чердачного хранилища. Нормальной двери там не было: только люк под потолком и шаткая стремянка, которой Нина обычно пользовалась для сезонных вывесок и которой сейчас доверяли разве что пыль и крысы. Лев осмотрел её, отодвинул и ушёл. Я успела подумать, что расследование закончилось досрочно, когда он вернулся с настоящей лестницей и рулоном страховочной ленты.

— Вы это всё носите с собой? — спросила я.

— Когда назначаю осмотр в старом доме — да.

— Я надеялась на магический левитационный трюк.

— Потом пришлось бы оформлять разрешение на воздух.

Внизу Нина считала убытки от испорченной муки. Кирилл остался у неё под присмотром и обещал «облегчить кризис». Я слышала, как Нина отвечала, что кризис и без него достаточно лёгкий, чтобы улететь вместе с крышей.

На чердаке пахло сушёной травой, старой бумагой, пылью и мышами. Мы искали документы подрядчика, который когда-то поставлял на рынок свидетельские ростки. Лев сверял номера накладных, а я осматривала деревянные ящики с керамическими печатями. В третьем обнаружилась квитанция с затёртым штампом. Кто-то снял верхний слой эмали, надеясь уничтожить имя получателя.

— Можно попробовать восстановить, — сказала я.

— Не разрушите доказательство?

— Я реставратор, а не человек с наждачной бумагой.

— Тогда делайте. Опись я оформлю.

Мне понадобились кисть, спиртовая лампа и терпение. Под боковым светом проявились бороздки, оставленные старой печатью. Я перенесла рельеф на кальку. Поставщиком значился Дом согласия, получателем — склад № 4. Количество ростков было таким, что я не сразу поверила цифре.

— Столько не бывает, — сказала я.

— Бывает, если готовят городской запуск. В каждом районе понадобится свой свидетель.

Кто-то за дверью громко хлопнул. Мы вздрогнули одновременно. Под ногами треснула доска; я шагнула назад, задела коробку, и та повалилась на груды старых костюмов, припрятанных для Праздника честного слова. Лев поймал меня за ремень. Его ладонь упёрлась мне в бок через плотную ткань, и на одну короткую секунду я гораздо яснее почувствовала его самого, чем треснувшую доску под ногами. Как только я восстановила равновесие, он отпустил. Через секунду мы оба оказались по колено в капустных листьях из зелёного фетра.

— Вы не ушиблись? — спросил он.

— Жива. А вот ваше достоинство пострадало. На голове корона.

Он снял её, осмотрел и неожиданно надел обратно.

— Продолжаем осмотр. Раз уж официально избран.

Я расхохоталась так громко, что на чердак прибежала хозяйка здания. Увидев служебное удостоверение и корону, она замерла.

— Мне кто-нибудь объяснит, что происходит?

— Сверка документов, — ответил Лев с непробиваемой серьёзностью.

— В капусте?

— По обстоятельствам.

Счета и ведомости мы сфотографировали, сохранили в архивный пакет и отнесли вниз. Среди адресов, связанных с договорами, изменёнными после подписания, оказался один знакомый Льву. Квартира на улице Кузнечной, дом восемь. Я заметила, как его рука задержалась над строчкой.

— Кто там живёт?

— Моя сестра.

— И её договор меняли без ведома?

— Похоже на то.

Я хотела спросить, почему он не сказал раньше, но увидела, что Лев впервые за день перестал следить за разложенными по порядку листами. Один угол конверта торчал наружу. У Льва даже щеки имели судьбу; торчащий угол конверта говорил сам за себя.

Мы вышли на улицу. Солнце било в лицо, пахло горячим хлебом. Лев нёс лестницу на плече. За последние дни мне предлагали немало гарантий на всю жизнь; тяжёлая алюминиевая лестница выглядела убедительнее.

Глава 10. Его женщина в жёлтом плаще

На следующий день перед тем как я увидела девушку в жёлтом плаще, у нас с Львом случился неприятный разговор о полезных знакомых. Он просил меня не появляться одной возле городских колоколен. Я сообщила, что иногда могу сама определить, где заканчивается дорога и начинается опасность. Он поправил: его беспокоит не дорога, а тот, кто уже копался в корнях теплицы.

— Почему вы не скажете сразу, что подозреваете? — спросила я.

— Потому что тогда подозрение станет вашим знанием. И вы начнёте действовать на основании того, чего мы ещё не проверили.

— Это самая чиновничья форма недоверия, которую мне доводилось слышать.

Лев замолчал. Я уже приготовилась хлопнуть дверью мастерской, когда он неожиданно произнёс:

— Ваша правда. Я говорю так, словно вы обязаны мне подчиняться. Не обязаны. Пожалуйста, не ходите к колоколам без предупреждения. Я опасаюсь, что там стоят незаконные свидетели.

Ответить было нечем. Лев сам исправил собственную фразу и испортил мне всё удовольствие от обиды.

— С предупреждением — значит, можно?

— С предупреждением — значит, я буду знать, где искать, если что-то произойдёт.

— Очень романтично.

Он чуть повернул голову.

— У нас профессиональное расследование.

Я пожала плечами и принялась искать кисть. Ещё десять минут мы говорили о чердачных счетах, а потом он ушёл по делам, оставив мне список адресов для сверки. Среди них была Кузнечная, восемь — адрес его сестры, который мы нашли накануне.

Пока я разбирала каталоги, Кирилл неожиданно вынес из гостиной свой стакан. Это была настолько редкая инициатива, что я сперва даже заподозрила подвох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.